

К числу недостатков книги надо отнести наличие некоторых непродуманных или просто неверных утверждений. Автор считает; например, «вероятным», что «погребение на деревьях» — представляет древнейшую форму погребений, тесно связанную со стадией матриархального рода» (стр. 41), хотя ему, конечно, хорошо известны характерные формы погребения у палеоазиатов (выбрасывание или сожжение трупа), известна и географическая ограниченность обычая воздушного погребения (зона тайги). Можно ли вообще так упрощенно связывать формы погребения с формами общественного строя?

Очень странно также утверждение автора, что «все эскимосские племена верят, что женское божество обитает на дне моря» и что имя этого женского божества — Седна (стр. 99). Автору должно быть хорошо известно, хотя бы из новой сводной работы Вейера (E. Weyer, *The Eskimos, Their environment and folkways*, 1932), что культ морской богини существует далеко не у всех эскимосских племен, а главным образом у центральных и гренландских эскимосов, самое же имя Седна распространено на еще более ограниченной территории — только на Баффиновой земле.

Оформлена книга неряшливо. В ней масса опечаток. Досадно, что не указано происхождение иллюстраций, часть которых заимствована из старых изданий (особенно из альбома Маака), а часть, очевидно, принадлежит самому автору.

При всех отмеченных недостатках общее впечатление от книги остается все же положительным.

С. Токаре

ПРОФ. Н. К. ГУДЗИЙ. *История древней русской литературы*, стр. 1—448. Учпедгиз, М., 1938.

Автор рецензируемой книги — один из лучших знатоков древней русской литературы, что заставляет нас отнестись к его книге с большим вниманием.

«История древней русской литературы» проф. Н. К. Гудзия имеет много положительных данных. Прежде всего следует отметить, что перед нами первый учебник истории древней русской литературы для высшей школы, составитель которого представляет большие трудности. Перед автором стояли такие задачи: отбор литературных памятников древней Руси, учет всего сделанного в науке за последнее время по вопросам древней русской литературы, а отсюда и соответствующее освежение всего учебного аппарата книги (комментарии, примечания, библиография и пр.). Но самая трудная задача заключалась в том, чтобы дать концепцию истории литературы, отвечающую принципам марксистско-ленинской методологии.

Отбор литературных памятников, подлежащих ведению историка древнерусской литературы, представляет одну из труднейших и до настоящего времени не разрешенных еще задач. Проф. Н. К. Гудзий подошел к этому вопросу со всей осторожностью серьезно-го ученого: понятие «литературный памятник» у него исторично, зависит от понимания литературы современниками, от отражения в них исторической действительности. Спорность отнесения того или иного памятника к памятникам именно литературным этими критериями не устраняется, но, как справедливо указывает автор, делается минимальной. В подавляющей массе приведенные автором литературные памятники почти бесспорно относятся к памятникам подлинно литературным, отразившим литературное развитие древней Руси. Исторический принцип в определении литературных памятников обнаруживается у автора в расположении литературного материала по конкретным историческим периодам развития древней Руси, с учетом развития и так называемых областных литератур.

Наряду с историческим принципом, которым оперирует автор при отборе литературных памятников, он неизбежно пользуется и специфическими особенностями, свойственными литературным памятникам той или иной эпохи, что отличает их от памятников в широком смысле — культурно-исторических, богословских, юридических и прочих.

Ученый аппарат книги вообще не вызывает сомнений в своей качественной стороне. Наряду с обильным использованием исследований таких крупных ученых, какими были А. Н. Веселовский, Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, А. А. Шахматов, автор широко использовал и новейшие работы по вопросам древней русской литературы: А. С. Орлова, Н. К. Никольского, В. Н. Перетца, В. М. Истрина, В. П. Адриановой-Перетц, С. А. Богуславского и других.

Обращает на себя внимание обстоятельный историографический очерк, в котором указаны важнейшие этапы в изучении древней русской литературы.

Обильные и притом свежие библиографические указания, вполне достаточные для учебника, дают полную возможность для углубленного изучения древнерусских литературных памятников.

В наиболее трудном положении автор оказался при построении курса соответственно принципам марксистско-ленинской методологии. В конце введения он совершенно справедливо заявляет, что «марксистское изучение древней русской литературы находится пока еще в зачаточном состоянии», что написание подлинно марксистского курса истории древней русской литературы немислимо без специальных исследований с позиций марксистской методологии отдельных литературных древнерусских памятников или периодов развития древней русской литературы.

В анализе ряда литературных памятников русской старины автор стремится разрешить такие проблемы, как формирование идеологии, отражение в ней социальных противоречий, борьбы феодалов с крестьянством, роль церкви, как крупного идеологического фактора, стоящего на страже интересов феодальных верхов. В ряде памятников автор старается проследить отражение конкретных политических тенденций, характерных для той или иной эпохи.

В книге отмечены специфические особенности древнерусской литературы, отличающие ее от русской литературы новой и новейшей. Автор часто говорит о рукописной традиции, достаточно отводит места истории редакций, говорит о значении Византии, Болгарии и Сербии в развитии древнерусской литературы. Во введении эти особенности древнерусской литературы сгруппированы в одно целое.

Но наряду с отмеченными здесь положительными моментами книга Н. К. Гудзия имеет и некоторые недостатки.

Вопрос об отборе материала является чрезвычайно важным, так как этим определяется круг памятников, подлежащих изучению. Проф. Н. К. Гудзий при отборе материала, подлежащего изучению, исходит из таких критериев, как специфика литературного материала, степень отражения в нем исторической действительности, понятие о литературе в ту или иную историческую эпоху.

Эти исходные положения принципиально не вызывают возражений, но требуют некоторой конкретизации. В самом деле, что такое специфика литературного материала? Это понятие столь же исторично, как и понятие «литература», а следовательно, этот критерий перестает быть надежным, устойчивым критерием при отборе литературных памятников древнерусской старины.

Второй критерий—степень отражения в памятниках исторической действительности—ни в какой мере не дает возможности отделить памятники литературные от памятников нелитературных; так например, «Домострой», «Стоглав», «Русская Правда» значительно полнее отражают историческую действительность, чем многие подлинно литературные древнерусские памятники.

Третий критерий—понятие «литературы» в конкретные эпохи—критерий, по своей историчности, бесспорный, но в каждом отдельном случае уточнение этого исторического понятия «литературы» требует особого исследования и привлечения большого и разнообразного материала.

В результате—указанные критерии не дают возможности правильно разрешить проблему отбора литературного материала, подлежащего ведению историка древней русской литературы. Отсюда и некоторая спорность в выборе литературного материала в книге проф. Н. К. Гудзия.

Изложение оригинальной русской литературы Киевского периода автор начинает

с небольшой главы «Риторическая проповедь». Прежде всего, это жанр ораторский, а не жанр «писанной» литературы. Что древнерусская проповедь находилась в известном взаимоотношении с древнерусской литературой,—это не подлежит никакому сомнению, но отсюда не следует, что проповедь представляла собой один из самостоятельных жанров древнерусской литературы. Во всяком случае, не было никаких оснований начинать изложение оригинальной русской литературы Киевского периода с риторической проповеди. Наиболее закономерно было бы распределить материал этой главы среди областных литератур в виде вспомогательного материала к подлинным литературным памятникам древней Руси.

В главе «Житийная литература» следовало бы подробно остановиться на житии Феодосия Печерского, заключающем в себе важные исторические и бытовые моменты и особенно—отражение борьбы между духовной и светской властью, а с другой стороны, и в художественном отношении не менее интересном, чем «Житие Бориса и Глеба».

Весьма эпизодично представлен отдел областной литературы. В главе «Новгородская литература» следовало сказать о Новгородской летописи, ее характере и отличии от других летописей. Среди областных литератур литература вольных древнерусских городов Новгорода и Пскова занимает особое место, что требует наиболее полного приведения литературных памятников новгородской и псковской старины.

По этим соображениям следовало бы дополнить главу о новгородской литературе следующими литературными памятниками, отразившими общественно-политическую жизнь вольнолюбивого Новгорода: «Вопросы Кирика», «Хождение в Царьград Добрыни Ядрейковича», «Послание архиепископа Василия о земном рае» и «Сказание об архиепископе Моисее». По этим же соображениям совершенно необходимо развернуть интересное и в литературном и в историческом отношении «Сказание о Михаиле Жлопском».

Глава о псковской литературе должна быть пополнена «Сказанием о князе Всеволоде», псковском герое, отстаивавшем свободу Пскова.

В развернутом изложении необходимо привести «Сказание о князе Довмонте», герое псковичей, одержавшем много побед над чудью и поморью, немцами и литовцами.

Максиму Греку как публицисту следовало бы отвести особую главу. Пересветов как публицист обеднен: отсутствуют его челобитные, его сказание о Петре, волосском воеводе, и слишком мало сказано о таком значительном в творчестве Пересветова произведении, как «Сказание о Магмет-салтане», в котором наиболее полно отразились политические взгляды Пересветова. Ответом на сочинения Пересветова была «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев», которая вышла из рядов боярской оппозиции, поэтому «Беседу» следовало бы поместить вслед за сочинениями Пересветова, а не в виде незначительного замечания в конце главы.

Незаслуженно обойдена значительная в историческом, литературном и вообще культурном отношении юго-западная литература (то, что сказано, недостаточно).

Следовало бы несколько освежить описание старинных путешествий, которые интересны в литературном и историко-культурном отношении; дополнительно здесь можно назвать: Путешествие митрополита Пимена, описанное диаконом Игнатием, и Путешествие Родиона Котова, составленное в семнадцатом веке московским «купчиною» Родионом Котовым, известное еще под именем «Хождения в Персидское царство».

Учет сделанного в науке—обязателен для всякого общего курса, причем академической беспристрастности не должно быть места в курсе. Автор обязан выявить свое отношение к чужим взглядам по тому или иному вопросу. В книге проф. Н. К. Гудзия, в основном, это положение осуществлено; наиболее ярко это выражено в главах о «Слове о полку Игореве» и «Молениях Даниила Заточника», но имеются главы, в которых отношение автора к чужим взглядам недостаточно выявлено, например, в главах о «Летописи» и «Повестях о татарском нашествии». В иных случаях автор недооценивает некоторые точки зрения ученых, которые в настоящее время могут быть названы прогрессивными, например, точка зрения Н. С. Тихонравова на апокрифы; в предисловии к исследованию «Отреченные книги древней Руси» Н. С. Тихонравов писал: «В бездне народных книг, тетрадо к, лубочных картин старым отреченным книгам принадлежит самое вид-

ное место... Они разъясняют не только историю нашей литературы и жизни, но также и современный быт русского народа».

Не менее важна точка зрения В. О. Ключевского на «Жития» как на исторический источник (см. «Древнерусские жития святых как исторический источник»).

В следующем издании книги необходимо учесть новейшую (юбилейную) литературу о «Слове о полку Игореве».

Во введении к курсу следовало бы подробнее рассказать о том, что такое редакция памятника (1-я, 2-я, 3-я и т. д.). Следовало бы дать более подробные сведения о палеографии с иллюстрациями шрифтов, а также и некоторые сведения о писцах.

В историографическом очерке стоило бы упомянуть И. Н. Жданова с его замечательными работами по древней русской литературе.

В историко-литературном анализе литературных памятников у автора преобладают следующие моменты: литературная история памятника, история его редакций, пересказ содержания, указание источников и влияний, историческое осмысление памятника, эпизодические заметки о художественной стороне (стиле) данного памятника.

У автора часто отсутствует методологический акцент на проблеме художественного образа в древнерусской литературе, а также на композиции и поэтическом языке.

Замечания о стиле в большинстве случаев даны в разрезе литературных традиций, вне связи с идейной стороной памятника; правда, задача это трудная, но соответствующие попытки в этом направлении сделать было нужно.

В качестве иллюстраций приведем конкретные примеры. Лучшие главы в курсе проф. Н. К. Гудзия—«Слово о полку Игореве» и «Протопоп Аввакум». Естественно, что эти главы и в методологическом отношении должны быть наиболее удачными, как например, глава о «Слове о полку Игореве», где хорошо рассказана литературная история памятника, дан содержательный историографический очерк о «Слове», оригинально поставлен вопрос о жанре, но, по существу, совсем не разрешена проблема образов «Слова» и весьма мало сказано о композиции и поэтическом языке этого памятника. Обстоятельная глава о протопопе Аввакуме вызывает некоторые возражения в ее установке: внимание автора направлено на то, чтобы дать исторический портрет Аввакума, и это получилось неплохо, но в стороне осталось его замечательное в литературном отношении «Житие», в котором Аввакум и проявил себя как талантливый литератор. Некоторые главы слишком перегружены изложением ученых дискуссий, которые заслонили собою конкретный анализ литературных памятников. К таким главам относятся: «Летописи», «Повести о Мамаевом побоище» и особенно «Моление Даниила Заточника».

В книге слишком много отведено места подробному пересказу содержания отдельных литературных памятников, что, при наличии хорошей хрестоматии того же автора, оправдано быть не может, тем более, что это и не педагогично, так как освобождает студента от необходимости читать древнерусские тексты.

Но хуже другое обстоятельство: анализ некоторых литературных памятников ограничивается только подробным пересказом их содержания; так представлена, например, почти вся переводная светская повесть Киевского периода, «Повесть о Петре и Февронии», «Житие Юлиании Лазаревской», сатирические повести: «Шемякин суд», «Повесть о Ерше Ершовиче» и другие.

Еще несколько эпизодических замечаний. Во введении (стр. 10) автор заявляет, что «мирские вкусы светского человека, стоявшего как на верхах, так особенно на низах социальной лестницы, удовлетворялись, главным образом, устной поэзией, вплоть до половины XVII в.». Это высказывание автора лишено исторического обоснования и более чем гипотетично. Ведь можно подумать, что вся древнерусская литература была литературой церковной, которой были чужды светские интересы, а это не так: древнерусская литература живо отразила историческое прошлое нашей родины.

В качестве пожелания отметим, что в повестях так называемой эпохи «Смуты» необходимо на материале самих повестей показать отражение шведо-польской интервенции, сделать на этом вопросе политический акцент.

В историко-литературных интересах следовало бы на протяжении всего изложения

истории древнерусской литературы четко отмечать трансформацию старых литературных жанров и появление новых.

В этом отношении особенно характерно развитие такого популярного в древней Руси жанра, как «житие», исторический диапазон развития которого, от «Жития Бориса и Глеба» до «Жития» протопopa Аввакума, особенно показателен.

Все указанные здесь недочеты учебника Н. К. Гудзия легко устранимы и не умаляют положительных сторон книги, к которым прибавим: четкость ее построения, ясность формулировок и простоту изложения, что делает книгу педагогичной, весьма удобной для учебной работы.

В основном, книга проф. Н. К. Гудзия—книга нужная, весьма полезная для высшей школы; по этой книге наше советское студенчество, будущие литературоведы и педагоги, будет изучать русскую литературную старину и героическое прошлое нашей родины.

Проф. М. Яковлев

В. В. МАВРОДИН, Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. Ученые записки ленинградского Педагогического ин-та им. Герцена, т. XI.

Вопрос о времени заселения славяно-русами Подонья и северо-восточного Причерноморья давно привлекает внимание историков. Особенно много внимания было ему уделено в период ожесточенной полемики между норманистами и их противниками в связи с проблемой так называемой «Черноморской» или «Приазовской» Руси.

Предметом специального исследования до последних лет этот вопрос почти ни разу не являлся. Вполне понятно, что появление такой специальной работы, которая, если бы даже не решала вопроса, а только подводила итоги тому, что сделано в этой области, нельзя не приветствовать.

К сожалению, работа В. В. Мавродина не заполняет ни одного из этих пробелов.

В нашем разборе мы касаемся только небольшой части работы, а именно тех ее сторон, где автор или проявляет свое собственное суждение, или вводит в научный оборот новые источники, как например, археологические данные, могущие пролить новый свет на понимание изучаемого им вопроса. Повторяемые автором выводы, высказанные ранее, мы оставляем в стороне.

Первая часть рассматриваемого нами исследования (стр. 231—240) и хронологически и территориально выходит за пределы темы, как она сформулирована автором. Она посвящена этногенезу славяно-русских племен Приднепровья и юго-востока и, как видно, должна служить обоснованием историографически старого положения, что славяно-русское население юго-востока—не результат походов Святослава (X в.), а явление исконное, связанное своими корнями с глубоким прошлым этого края. «Исходя из указаний Н. Я. Марра», автор говорит о «прямых генетических связях древних скифов и сарматов с позднейшим славянским населением» (стр. 231), утверждая, что они (связи) подтверждаются «данными раскопок, произведенных за последние годы на юге европейской части СССР советскими археологами» (стр. 231). Но автор, к сожалению, не нашел нужным отметить, какие конкретно указания Н. Я. Марра он имеет в виду, отсылая читателя к V т. «Избранных работ». Так же поступает он и с «данными раскопок», лишая тем самым читателя возможности проверить высказанные им положения.

Автор заранее предупреждает читателя, что его подход к связям скифо-сарматского мира со славянским совершенно иной, чем у Иловайского, Забелина и др. (стр. 231—237), что он хочет «лишь отметить определенную генетическую связь» (стр. 237) и только.

Однако поставленной проблемы автор не решил и даже не приблизил ее решения. Задавшись целью доказать связь славянского мира со скифо-сарматским и не располагая для этого достаточным фактическим материалом, автор волей-неволей должен был пойти по пути Иловайского, хотя он этого и не хотел.